

Поворот к житийной прозе был для меня естественным

Интервью журналу «Православное книжное обозрение»

- Читательская аудитория во многом воспринимает Вас как продолжателя литературной традиции писателей-деревенщиков. Об этом же отчасти свидетельствует и Ваша писательская биография. Что Вы хотели бы сейчас сказать о Ваших старших наставниках, среди которых упоминают В.П. Астафьева?

- Я продолжатель традиции русской реалистической литературы. Писателем-деревенщиком меня назвать нельзя. Родился я в деревне, но родители мои переехали в Вологду, когда я был еще младенцем. По рождению я - деревенский, а по образу жизни - житель городской. Впервые в деревню я попал, когда мне было 14 лет. Деревенской жизни я не знаю и никогда о ней не писал. В.И. Белов удивлялся, что я не знаю, как запрягать лошадь, и говорил, как это просто. Действие большинства моих литературных произведений разворачивается именно в Вологде (за исключением повести «Венчание», там все происходит в Латвии).

О Викторе Петровиче Астафьеве я храню самые добрые и сердечные воспоминания. В течение 11 лет, что он прожил в Вологде, я много раз встречался с ним, он читал все мои первые рукописи. Как писатель, я глубоко благодарен ему, что он научил меня смотреть на литературу серьезно, видеть в ней не предмет забавы и развлечения, а относиться к ней как к работе, которая требует от человека отдавать ей всю свою душу, если хочешь научиться писать по-настоящему. Виктор Петрович сыграл громадную роль в становлении меня как писателя. За это ему низкий поклон и вечная память.

До сих пор я прохожу мимо дома, где он жил, с волнением. Перед моим мысленным взглядом он по-прежнему живой, так же, как и его верная помощница и супруга Мария Семеновна.

Это, скорей всего, выходит за рамки интервью, но, несмотря на моё уважение к памяти учителя-наставника, я категорически не приемлю его высказывания последних лет жизни, его суждения о И.В. Сталине, Г.К. Жукове и других. Но это особый вопрос.

— Последние годы Вы заняты созданием уже почти что полностью церковных книг, среди которых переложения житий святых для детей, книга о святом благоверном князе Димитрии Донском. Как Вам лично, как писателю, дался этот поворот от чисто художественной прозы? Ведь в церковной литературе несколько другие законы творчества.

— К тому моменту, когда архимандрит Тихон (Шевкунов) благословил меня на создание житий для детей, у меня уже вышло около двадцати книг прозы, писатель я был опытный, прихожанин Церкви с более чем десятилетним стажем, поэтому я не испытал особых затруднений. Я понимал, что в данном случае требуется иной подход к материалу, иной душевный настрой, чем при написании повести или рассказа, другой подход к языку, нельзя прибегать к стилизации, чтоб из житий не получились тульские пряники, но нельзя прибегать и к просторечию, нельзя, чтобы в жития проникли сказочные мотивы. Важно было настроить свою душу на должный лад. Поэтому поворот от художественной прозы был для меня прост и естествен.

— Для многих людей в их обретении веры важную роль сыграли книги. Вы можете сейчас назвать самую первую книгу, которая сделала Ваш жизненный путь христианским?

— Возможно, ответ на этот вопрос покажется неожиданным, но что

Из библиографии:

- Обычные дни. Повести, рассказы. М.: Современник, 1986.
- Светоч. Сборник статей. М.: Молодая гвардия, 1988.
- Брат отца. Повести. Архангельск: Северо-западное книжное изд-во: 1989.
- Александр Благословенный в Вологде. Вологда, 1993.
- Александр Освободитель в Вологде. Вологда, 1993.
- Легкие следы. Стихи. Вологда, 1994.

Из библиографии:

- Именослов. Знаменитые люди в Вологде. — Вологда, 1994.
- Человек — река. Рассказы. — Вологда, 1998.
- Россия — это сама жизнь. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2004.
- Церковь Покрова Богородицы, что в Козлене. Историко-церковный путеводитель. — Вологда, 2000.
- Избранное. — Вологда, 2005.
- Прокопий. — Вологда, 2003, 2005.
- Добрый дедушка. — Вологда, 2002, 2003, 2005.

было, то было. В Советском Союзе одним из немногих писателей, в произведениях которого можно было прочесть о Боге, о вопросах, связанных с духовностью, был Лев Николаевич Толстой. Это общепризнанный факт. Немало советских людей узнавали о Боге, о религии без атеистической, зачастую глумливой, подливки через Толстого. Человеку думающему была видна атеистическая ложь в важных вопросах бытия, отечественной истории, отечественной мысли, хотелось знать другую точку зрения. Но прочесть это можно было только в статьях Л.Н. Толстого. Потом, приняв крещение, молясь в храме, ты видел заблуждение, неправоту писателя, уж не говорю о кощунственных описаниях служб в «Воскресении». Правды ради, нужно признать, что рассказ Льва Толстого «Хозяин и работник», помимо того, что это литературный шедевр, весь пронизан христианским чувством. Кроме того, как писатель, интересующийся историей своего края, я брал в областной библиотеке «Вологодские епархиальные ведомости». Я пролистал их все за 60 лет издания. Чтение «Ведомостей» открывало передо мной иную Россию, иную жизнь, которую от нас скрывали. Их чтение просвещало душу и ум, двигало их в нужном направлении.

Так что какую-то одну книгу я назвать не могу. Мой приход к вере был обусловлен не одним каким-то фактом, а огромным комплексом (еще с раннего детства) прочитанных книг, поступков, размышлений, встреч с людьми, сцеплений, как любил говорить Лев Толстой. Большое значение для меня имела моя работа в управлении культуры Вологодского облисполкома, встречи с художником-реставратором древнерусской живописи Н.В. Перцевым, реставратором-архитектором Г.П. Беловым, музейными работниками. Это тема для интереснейшего социологического исследования: из музейных работников, как говорили тогда, бойцов идеологического фронта, вышло много иереев, именно в годы начала возрождения церковной жизни в России. Видимо, русская культура, православная по сути своей, оказывала незримое, но мощное воздействие на души людей.

По словам Ф.И. Тютчева, «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Людям не дано знать, как они воздействуют на других людей. Для меня было приятной неожиданностью прочитать на книге, подаренной мне в 2002 г. В.И. Беловым, такие слова: «Дорогой Роман. Я под твоим влиянием поверил в Бога нашего Иисуса Христа».

«Благовестник»: четыре года из жизни писателя Балакшина

«Благовестник» не раз публиковал статьи Романа Александровича, рассказывал журнал о его новых книгах, о встречах с читателями. Р.А. Балакшин для «Благовестника» дорог не только как автор, как православный прозик; Роман Александрович был одним из тех, кто стоял у истоков нашего издания.

В нынешнем году «Благовестнику» исполняется двадцать лет. Но история православной газеты началась шестью годами раньше, когда её издавали совместно епархиальное управление и Вологодское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Р.А. Балакшин четыре года был главным редактором «Благовестника». Об этом времени, по его словам, и радостном, и тревожном - писатель рассказал нашему корреспонденту.

- Началось это все с 1988 г., а первые выпуски стали выходить в 1989-м. Газета «Благовестник» в то время была маленькой: объемом с обычную «районку», издавалась всего на четырех страницах. Первым редактором «Благовестника» был Александр Алексеевич Грязев, Царствие ему Небесное. Потом, уж не знаю, почему, стали уговаривать меня, чтобы я стал главным ре-

дактором. Ну, вот я и стал им: на Грязеве газета началась, на мне закончилась.

Выпускали мы тогда газету на паях. Было такое Общество охраны памятников истории и культуры – какая-то часть денег на издание выделялась этим обществом, а какая-то часть – епархией. Когда мы говорили с архиепископом Михаилом (Мудьюгиным), он обратился ко мне с просьбой по-

мочь снять с епархии хотя бы часть этого финансового бремени. Тогда как раз началась «эра предпринимательства», появились частные предприниматели, и я стал по ним ходить. Радости никакой, конечно, это мне не доставляло, одно было только утешение, что прошу не для себя. И никто не помог! Прямо никто не отказывал, избрали другую тактику: «Это дело решается на совете директоров. Позвоните через две-три недели». И, как правило, когда я звонил, мне говорили, что совет директоров отказал. Потом я понял эту уловку, и когда речь снова заходила о том, что «всё решает совет директоров, а не я», сразу понимал, что ничего не получится. Единственным человеком, который оказал материальную помощь, был бывший вор. Говорили, что этот человек, ставший руководителем большой фирмы, сидел не один раз, и этот самый человек оказал помощь «Благовестнику» – спасибо ему большое!

Требования владыки Михаила к газете были простые: чтобы она по мере сил знакомила людей с жизнью Церкви. В то время народ и государство наше к Церкви только поворачивались, люди все были в церковном смысле безграмотные, поэтому одной из главных задач «Благовестника» стало просвещение. Рассказывали о церковных таинствах, службах, печатали жития избранных вологодских святых, публиковали репортажи об архиерейских служениях.

Перед тем, как идти в поход за деньгами, я съездил в Троице-Сергиеву Лавру. Будущий владыка Максимилиан там был игуменом и нёс послушание в издательском отделе Лавры. Он подарил мне маленькие цветные иконки – чтобы приходиться к предпринимателям не с пустыми руками. Так что владыка уже в то время какую-то моральную, молитвенную помощь оказал.

Печатались в «Благовестнике» и церковно-исторические материалы – например, статья о приезде Константина Петровича Победоносцева в Вологду. Многие тогда и не знали, кто такой Победоносцев. Был рассказ и о том, как к нам приезжала святая великомученица Елизавета Феодоровна. Таким образом, когда я был редактором «Благовестника», я стал придерживаться той тематики, которая была в старых «Вологод-

ВЛАДЫКА МИХАИЛ (МУДЬЮГИН) ОБРАТИЛСЯ КО МНЕ С ПРОСЬБОЙ ПОМОЧЬ СНЯТЬ С ЕПАРХИИ ХОТЯ БЫ ЧАСТЬ ФИНАНСОВОГО БРЕМЕНИ НА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ. ТОГДА КАК РАЗ ПОЯВИЛИСЬ ЧАСТНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, И Я СТАЛ ПО НИМ ХОДИТЬ. РАДОСТИ НИКАКОЙ, КОНЕЧНО, ЭТО МНЕ НЕ ДОСТАВЛЯЛО, ОДНО БЫЛО ТОЛЬКО УТЕШЕНИЕ, ЧТО ПРОШУ НЕ ДЛЯ СЕБЯ. И НИКТО НЕ ПОМОГ – КРОМЕ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ СИДЕЛ НЕ ОДИН РАЗ, А ПОТОМ СТАЛ РУКОВОДИТЕЛЕМ БОЛЬШОЙ ФИРМЫ...

ских епархиальных ведомостях». Все «Епархиальные ведомости», начиная с 1864-го по 1917-й год, перелистал, посмотрел хроники церковной жизни. Вот и у нас появилась рубрика «Епархиальная жизнь»: печатались сведения о перемещениях архиереев, священников и т. д. Газетка была небольшая, поэтому много было не вместить. Выходил «Благовестник» раз в месяц.

Был один курьез, связанный с владыкой Максимилианом. К его приезду на вологодскую кафедру я подготовил специальный выпуск «Благовестника». На первой странице была маленькая фотография Святейшего Патриарха Алексия и какой-то сопутствующий текст. А на второй странице мы поместили большой портрет нового вологодского архиерея. Он рассердился или расстроился – уж не знаю – и сказал: «Что же вы делаете-то, Роман Александрович! А если Святейший увидит, что он такой маленький, а я такой большой, что же он подумает?» Я, конечно, попросил прощения, а про себя подумал: вряд ли Святейший Патриарх Алексий будет читать маленький вологодский

Из библиографии:

- Святитель Николай. М.: Изд-во: Сретенского монастыря, 2005
- Почетные граждане Вологды. Вологда: Книжное наследие, 2005.
- Мой город милый. Вологда, 2007. 150 с.: ил.
- И в жизнь вечную. М.: Изд-во: Сретенского монастыря, 2007.
- Жития святых для детей. М.: Изд-во: Сретенского монастыря, 2007.
- Святой князь Дмитрий Донской. М.: Вече, 2010

«Благовестник». Разве что какие-нибудь недоброжелатели ему это могут показать с соответствующими комментариями. Но Святейший – человек мудрый, это меня успокаивало.

Газетой я руководил четыре года. А когда «перестройка» закончилась, государство от всего освободилось, прекратило свое существование и Общество охраны памятников истории и культуры. То есть денег вообще не стало.

Кроме того, владыка Максимилиан хотел, чтобы издавалась самостоятельная церковная газета, полностью принадлежащая епархии. Такая газета и появилась, редактором стал протоиерей Василий Павлов. «Благовестник» выходил как газета, а потом уже стал журналом. Нужно отметить вклад владыки Максимилиана – он многое сделал, чтобы «Благовестник» стал достойным журналом.

Как и все периодические издания, наш епархиальный журнал бывает интересным: проповеди, рассказы о жизни святых подвижников, о храмах. А бывают номера и средние, проходные. Но в целом журнал читать очень интересно: видно, что делается он с любовью.

Основная задача сегодняшней церковной прессы, на мой взгляд, заключается в сохранении просвещения и в ознакомлении людей с жизнью Церкви: нужны публикации хороших проповедей, исследования жизни святых нашей епархии, исторические материалы. Есть очень интересные публикации о Первой мировой войне

– казалось бы, что общего они имеют с церковной жизнью? Но, оказывается, материал можно подать так, что, говоря о войне, можно рассказать и о Церкви, причем без какой-либо натянутости. Очень интересны публикации о новомучениках и исповедниках российских.

Газета не должна быть строго «зацерковленной», она должна быть как можно ближе к человеку, к его жизни. Есть разница в понятиях «зацерковленность» и «воцерковленность». Так вот, хорошее, высококачественное православное издание должно, по моему мнению, быть именно воцерковленным, но не зацерковленным. «Официозу» должно принадлежать свое место, но он не должен быть определяющим для издания такого рода. Как пример гармоничного сочетания официальной стороны и собственно церковной я могу назвать «Журнал Московской Патриархии», когда им руководил митрополит Питирим (Нечаев), Царствие ему Небесное. Это был очень интересный журнал: был и «протокол», но были и яркие материалы, которые рассказывали, например, о святителе Григории Паламе, популярно излагали его учение о нетварном свете. Много было таких статей, которые, как я уверен, принесли читателям много пользы.

Надеюсь, что «Благовестник» будет следовать добрым традициям и правилам хорошей церковной прессы.

Рассказ Р. А. Балакшина
записал Петр ДАВЫДОВ

